

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ *

Э. А. Иванян

Религиозно-церковная пропаганда как особый вид социально-корыстного воздействия на разум и сознание людей возникла практически одновременно с образованием влиятельной касты священнослужителей как прослойки эксплуатирующего класса. О ней как о существенной составной части общегосударственной пропаганды можно говорить тотчас, как только религиозная пропаганда стала дополнять усилия светской власти по оказанию выгодного правящему классу влияния на формирование общественного мировоззрения. Одним из наиболее действенных пропагандистских методов, применявшихся «мировыми религиями» с самого начала, являлось обожествление верховной власти. «Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвециной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда *связывала угнетенные классы* верой в *божественность* угнетателей»¹, — писал В. И. Ленин. Носители верховной власти нарочито представлялись светскими и духовными авторитетами как всесильные существа, способные господствовать над силами природы, зажигать в небе солнце, орошать землю дождем, ниспосылать урожай и наказывать врагов, навлекая на них всевозможные невзгоды и несчастья. Имена богов входили составной частью в титулы монархов, а королевские и княжеские украшения и одежды отличались обилием символов, призванных указывать на прямое происхождение монархов от великих и всемогущих богов. История развития человеческого общества свидетельствует о том, что по силе своего воздействия и эффективности пропаганда божественного происхождения верховной власти была не менее, а подчас даже более результативной, чем меры физического принуждения к подчинению этой власти.

Рост богатства и значения касты священнослужителей оказал значительное влияние не только на масштабы, но и на самый характер воздействия этой категории людей на массы. Уже на заре средневековья духовные лица начинают играть роль, существенно отличающуюся от той, которую они играли на более ранних этапах развития общества. После окончательного становления христианства, с развитием христианской церкви и ростом ее влияния на жизнь людей и общества в целом религиозная пропаганда отделяется от государственной и создает особый институт психологического воздействия на массы. После этого своеобразного «отделения от государства» христианская религия и пропаганда сохраняют свою относительную идеологическую самостоятельность и независимость на протяжении многих веков. Оказывая огромное влияние на весь уклад общественной жизни при феодализме, церковь выступала в качестве «наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»². Религия стала господствующей формой идеологии, и в качестве таковой она наложила глубокий отпечаток на мировоззрение и психологию людей эпохи феодальной формации, в сильной степени подчинив себе искусство, философию, мораль и даже право. «Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим, — отмечал Ф. Энгельс. — Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага —

* Характер политической пропаганды, осуществлявшейся правящими классами в государствах Древнего мира, уже освещался автором (см. «Вопросы истории», 1969, № 12). В настоящем очерке рассматривается социальное место религиозной пропаганды в государствах эпохи средневековья, а также роль клира и созданного им могущественного института церкви в оказании идейно-психологического воздействия на широкие народные массы.

¹ В. И. Ленин, ПСС. Т. 48, стр. 232.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. 7, стр. 361.

сарацин. Западноевропейский мир, представлявший собой группу народов, развитие которых происходило в условиях постоянно изменявшихся взаимоотношений, объединялся католицизмом. Это теологическое единство было не только идейным. Оно действительно существовало, и не только в лице папы, монархического средоточия этого единства, но прежде всего в лице церкви, организованной на феодальных и иерархических началах. Владея в каждой стране приблизительно третьей частью всех земель, церковь обладала внутри феодальной организации огромным могуществом. Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах. Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления»³. В этом своем исключительном качестве церковь обрела право и практическую возможность решать, будет ли она с помощью всех доступных ей средств массового убеждения поддерживать светскую власть в интересах укрепления диктата правящего класса над народными массами или же захочет в каких-то случаях выступить против светской власти во имя торжества церковной супрематии.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных методов и форм идейно-психологической обработки масс, применявшихся церковью в средние века, коснемся в общих чертах тех условий, в которых возникли, развивались и совершенствовались исторические особенности этого вида социально-корыстного воздействия на разум и сознание людей. Религиозный фанатизм, неприязнь к чужим богам и чужим традициям, за некоторым исключением, мало практиковались в древности. В частности, крайний религиозный фанатизм был неизвестен в Римской империи. Ф. Энгельс отмечал, что «потребность дополнить мировую империю мировой религией ясно обнаруживается в попытках ввести в Риме поклонение, наряду с местными, всем сколько-нибудь почтенным чужеземным богам»⁴. Одна из древнейших религий человечества — буддизм — признавала, что вне ее существует множество других вер, проповедующих «путь, несхожий с нашим, но ведущий к нирване»⁵. Истинной религией большинства древних народов был культ их собственного государства, находивший наиболее яркое выражение в почитании обожествленных монархов. Существование широкого разнообразия местных религий и богов не волновало правящие классы, если оно не угрожало их господству. Выступая рука об руку со светской властью в общих интересах, священнослужители играли на том этапе исторического развития как бы вспомогательную роль в общегосударственной политической пропаганде, основной целью которой было сохранение власти над широкими народными массами.

С зарождением христианства на исторической арене появляется идеология, в которой проявился на тогдашнем этапе развития ее бунтарский характер, угрожавший самому существованию Римской империи. Возникнув как массовое движение страждущих и обездоленных, как «религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»⁶, первоначальное христианство вступило в серьезный социальный и идеологический конфликт со всеми существовавшими в империи религиями. Христианское движение охватило, в частности, основную часть городского населения — низы, то есть тот революционный элемент империи, который был лишен политической власти и не мог рассчитывать на сколько-нибудь существенное улучшение своей жизни. «Где же был выход, где было спасение для поработанных, угнетенных и впадших в нищету — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами?.. Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии. И тогда открылся иной мир. Продолжение существования души после смерти тела постепенно стало повсеместно общепризнанным в римском мире элементом веры. Точно так же все более и более общепринятой становилась вера в некое воздаяние или кару для умершей души за совершенные на земле

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 495.

⁴ Там же, стр. 313.

⁵ А. Соомарасвами. Buddha and the Gospel of Buddhism. L. 1916, p. 158. См. также: В. И. Корнев. Буддизм. «Вопросы истории», 1970, № 12; 1971, № 2.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 467.

поступки... Появилось христианство, оно всерьез приняло воздаяние и кару в потустороннем мире, создало небо и ад, и был найден выход, который вел страждущих и обездоленных из нашей земной юдоли в вечный рай⁷, — писал Ф. Энгельс.

Подвергнув уничтожающей критике догматы христианской религии, излагавшиеся в документах раннего христианства, Ф. Энгельс одновременно отметил острую пропагандистскую целенаправленность этих документов, содержавших «пламенный призыв к сотоварищам ревностно вести пропаганду, смело и гордо провозглашать себя приверженцами своей веры перед лицом противников, неустанно бороться против внешних и внутренних врагов»⁸. Бунтарские настроения раннего христианства нашли отражение в одном из наиболее ранних произведений христианской пропагандистской литературы, «Откровении Иоанна» («Апокалипсис»), предсказывавшем скорую гибель ненавистного рабовладельческого Рима и торжество «царства божьего». В раннем христианстве и в его пропаганде того периода не было еще догматики позднейшего христианства. Но зато имелось «ощущение того, что ведется борьба против всего мира и что эта борьба увенчается победой»⁹. Вера в неизбежную конечную победу христианства проходила красной нитью через все произведения раннехристианской литературы. Это было естественно, так как, не располагая практически большими возможностями для ведения серьезной идейной борьбы с Римской империей, пропагандисты христианства того периода могли рассчитывать лишь на психологическое воздействие, которое оказывали на народные массы фанатическая убежденность в силе христианской веры и готовность первых христиан идти на смерть ради ее конечного торжества. «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»¹⁰, — отмечал В. И. Ленин.

Некоторые римские монархи, в частности императоры Марк Аврелий (161—180 гг.) и Юлиан Отступник (361—363 гг.), последний — в написанном им трактате «Против христиан», считали, что в христианской философии вообще нет ничего, кроме слова «вера». Это было явной недооценкой силы новой идеологии и ее популярности среди широких народных масс. Но, даже несмотря на такую недооценку психологического воздействия христианской идеологии на массы, правящие классы империи чувствовали, что в случае победы христиан старая империя ослабеет. Страх перед новой идеологией сменился уверенностью в необходимости ее искоренения, когда стало ясно, что христиане подрывают основы прежнего государства, отказываясь считать высшим законом волю императора. Объявив христиан злыми врагами Римской империи и социально чуждыми элементами, представители правящих классов вступили в ожесточенную идеологическую борьбу с этой «опасной партией переворота», как называл ранних христиан Ф. Энгельс. Светоний Транквила писал о христианах, что они представляют собой людей с новым и злобным предрассудком; Тацит осуждал «ненависть христиан» к человеческой расе и считал их преступниками, заслуживающими самого строгого наказания; Порфирий Финикийский написал 15 поистине контрпропагандистских книг «Против христиан», в которых подвергал сомнению божественное происхождение Иисуса и другие догматы христианства. Цель искоренения опасной для государства идеологии оправдывала тогда любые методы борьбы с ней. О христианах стали распускать слухи, что они пожирают детей и виновны во всех бедах, обрушившихся на Римскую империю. Император Максимиан (235—238 гг.) поручил придворным авторам написать серию пародий на христианские доктрины и всячески вдохновлял своих сторонников на борьбу с христианской религией. Одним из наиболее известных антихристианских пропагандистских сочинений того периода были «Деяния Пилата», выдававшиеся за сочинения самого Понтия Пилата и повествовавшие о жизни Иисуса как заурядного преступника. Максимиан восторженно приветствовал появление этого заказанного им же сочинения и приказал распространить его в тысячах экземпляров. Отрывки из него были выгравированы на меди и высечены на камне, а затем выставлены в общественных местах; текст зачитывался на площадях и даже использовался в качестве учебного пособия в школах. По приказу Максимиана в Дамаске было аресто-

⁷ Там же, стр. 483.

⁸ Там же, стр. 481.

⁹ Там же, стр. 478.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 142.

вано несколько женщин легкого поведения, у которых под угрозой пытки получили признания в их принадлежности к христианской вере и участию в аморальных сборищах христиан.

Римским правителям, однако, вскоре пришлось убедиться в том, что одними мерами контрпропагандистского характера справиться с христианской идеологией не удастся. Опасная идеология затронула струну, которая «должна была найти отклик в бесчисленных сердцах»¹¹. Тысячи христиан нашли смерть в огне, на крестах и на аренах цирков. Могущественной Римской империи не представляло особой трудности вести борьбу с мелкими, разрозненными и нередко враждовавшими между собой христианскими общинами на раннем этапе их развития. Но продолжавшееся разложение рабовладельческого общества снижало эффективность борьбы государства с христианством, обретавшим все новых сторонников. Распространению и популяризации идей и концепций христианской религии в немалой степени способствовали написанные ранними христианами откровения, книги пророков, а позднее специальные церковные истории, сочиненные в пропагандистских целях клерикалами. Успеху ранней христианской пропаганды среди широких масс в значительной степени помогали также доверчивость и легковерие первых приверженцев новой религии, готовых уверовать во все, что отвечало их чаяниям. «Не было такого вида фанатизма, глупости или мошенничества, который не проник бы в молодые христианские общины, не находил бы, по крайней мере в отдельных местах и на некоторое время, благосклонных слушателей и ревностных поборников»¹². Так был открыт путь обману — характерной особенностью пропаганды религиозных культов, возникших в ту эпоху. «...Если стихийно возникшие религии, как поклонение фетишам у негров или обная первоначальная религия у арийцев, возникают без участия обмана, то в их дальнейшем развитии поповский обман очень скоро становится неизбежным. Искусственные же религии, при всей характерной для них искренней восторженности, уже при своем основании не могут обойтись без обмана и искажения истории; также и христианство уже с самого начала имело весьма недурные достижения этого рода...»¹³. «Все апокалипсисы считают себя вправе обманывать своих читателей. Они... не только, как правило, написаны совсем другими людьми, жившими большей частью гораздо позднее их мнимых авторов, но вдобавок пророчествуют в своей основной части главным образом о таких событиях, которые давно уже произошли и прекрасно известны действительному автору»¹⁴.

Одним из первых пропагандистских религиозных трудов раннего средневековья, наложившим глубокий отпечаток на всю реакционную средневековую идеологию, было произведение христианского теолога, епископа из Гиппона Августина Блаженного (354—430 гг.) «О граде божием». Это сочинение, которое писалось им в течение 13 лет, было задумано в качестве ответа противникам христианства, обвинявшим христиан в гибели Рима и в предательстве римских богов, столь часто в прошлом спасавших Рим от бед. Решительно отменяя эти обвинения, Августин утверждал, что, напротив, именно христиане предотвратили резню и зверства со стороны завоевателей — готов, на которых якобы оказала влияние миролюбивая христианская религия. Августин приводил в своем сочинении ряд фактов из римского прошлого, свидетельствовавших о том, что далеко не всегда старые римские боги спасали древний город от поражений и бедствий. А когда Августину не хватило исторических фактов, подтверждавших высказанные им положения, он уговорил своего ученика Павла Орозия написать фальсифицированную историю человечества от «сотворения мира» до 417 г. — «Историю против язычников в семи книгах». В сочинении «О граде божием» Августин подверг осмеянию римских богов и издевался над верой римлян в их бессмертие. Не пощадил он ни обилия богов у римлян, ни религиозных обрядов в их честь, высмеял оракулов и категорически заявил, что все боги дохристианского периода были прислужниками сатаны. Одним из основных тезисов его пропагандистского труда являлось утверждение, что падение Рима началось до рождения Христа и что лишь христианство сумеет его спасти. Идея Августина, заключающаяся в утверждении,

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 314.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 472.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 306.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 476.

что христианская церковь является действительным градом Божиим, составила основу христианской теологической пропаганды на всем протяжении средних веков.

Спустя семь веков после выхода в свет сочинения Августина епископ Оттон Фрейзингенский написал «Хронику», в которой продолжал развивать его идеи. В предисловии Оттон изложил свои взгляды на то, какими пропагандистскими соображениями должен руководствоваться автор любой всемирной истории при ее написании и насколько целеустремленно следует преподносить читателю необходимые выводы: «Я приступил к созданию истории, в которой с Божьей помощью я смогу представить на всеобщее обозрение невзгоды граждан Вавилона (земного града), а также славное царство Христово, к которому должны быть обращены исполненные надежд взоры граждан Иерусалима. Я взялся, таким образом, довести почти до наших дней, если предоставит мне такую возможность господь, историю потрясений и невзгод одного города — Вавилона, а затем высказаться о наших надеждах, возлагаемых на другой город. Мы должны, следовательно, говорить о печальной неустойчивости одного города и благословенной прочности другого»¹⁵.

Христианские теологи в своих сочинениях осыпали проклятиями идейных противников христианства и обзывали их законченными лицемерами. Об одном из них, выступившем с трехтомным трудом против христианской религии, они писали, что его «выворотило наизнанку тремя книгами». Особенно доставалось древнегреческим философам, в чьих произведениях христианская теология усматривала серьезную идеологическую опасность. Логическая цепь рассуждений этих теологов выглядела следующим образом: философия тянется к разуму; разум тянется к ереси; следовательно, философия тянется к ереси. Один из видных теологов, Тертуллиан (ок. 155—222 гг.), безапелляционно заявлял: «Философы являются патриархами ереси. Жалкий Аристотель»¹⁶. Но имелись среди христианских теологов и такие, которые, напротив, считали необходимым изучать труды древнегреческих философов, полагая, что те могут научить проповедников христианской религии искусству аргументации и оказаться полезными в христианской контрпропаганде. К числу таких теологов относился Сократ Схоласт (ок. 380 — после 440 гг.). В своей семитомной «Церковной истории» он, в частности, писал: «Нет сомнения в том, что священные писания утверждают доктрины, воспитательные по существу и божественные по характеру. Они, кроме того, превосходным образом стремятся к воспитанию благочестия и чистоты в тех, кто руководствуется их предписаниями, указывая путь к вере, одобренной господом. Но они не учат нас искусству аргументации, с помощью которого мы могли бы успешно противостоять тем, кто выступает против истины. Кроме того, противника намного легче бывает одолеть, когда против него обращается его собственное оружие... Мы не сможем сделать это, если сами не овладеем оружием наших противников, проявляя при приобретении этого умения осторожность, дабы не поддаться влиянию их взглядов»¹⁷.

Пропагандистский метод использования оружия противника в идеологической борьбе с ним же был известен давно. Так, в ходе идейных споров с противниками буддисты принимали «в качестве исходного пункта своего утверждения те желания или условия, которые выдвигал оппонент, и даже использовали его фразеологию. Затем, частично вкладывая иное, более возвышенное значение в слова, а частично апеллируя к тем этическим концепциям, которые их объединяли, постепенно приводили своего оппонента к желательному для себя выводу»¹⁸. Что касается трудов по истории, написанных христианскими теологами, то Сократ Схоласт считал их ценным подспорьем в идеологической борьбе, так как они помогали вооружить единоверцев необходимыми сведениями и фактами, чтобы устоять перед нападками враждебной пропаганды: «Точная информация... дает возможность тому, кто с ней знаком, оградить себя от ошибок и учит его не приходиться в негодование по поводу пустых звуков софистической аргументации, которую он может подчас услышать»¹⁹.

¹⁵ R. B. Lloyd. Christianity: History and Civilization, L. 1936, p. 23. См. также: Otto. Chronik oder Geschichte der zwei Staaten. B. 1960.

¹⁶ R. B. Lloyd. Op. cit., pp. 121—122.

¹⁷ Socrates (Scholasticus). The Ecclesiastical History. L. 1914, pp. 193—194.

¹⁸ A. Coomaraswami. Op. cit., pp. 275—276.

¹⁹ Socrates. Op. cit., p. 50.

«Страх создал богов» — эти слова римского автора Публия Папиния Стация привел В. И. Ленин в своей статье «Об отношении рабочей партии к религии»²⁰. Страх перед неведомым, перед карой божьей отчасти лежал в основе всех без исключения религиозных учений, известных истории человечества. Не удивительно поэтому, что игра на эмоциях человека явилась основным оружием религиозной пропаганды, действенным инструментом превращенного священнослужителями в искусство умения оказывать идейно-психологическое воздействие на широкие народные массы. Сама библия может по праву считаться одним из древнейших пропагандистских документов, где наряду с использованием метода убеждения широко применяется метод запугивания. Согласно утверждениям, содержащимся в книгах Моисея, всех тех, кто исповедует иную веру, ожидает кара божья. Угрозы, звучащие из уст Моисея, носят весьма недвусмысленный характер и полностью перекликаются с карами, которыми грозили всем иноверцам и более древние и более поздние мировые религии. Авторам талмуда, библии, корана, буддийских сутр нельзя, однако, отказать в глубоком знании человеческой психологии. Угрозы в адрес иноверцев и вероотступников перемежаются с перечислением всевозможных благ, ожидающих тех, кто свято чтит наставления своих пророков. Всю силу красноречия вкладывает Моисей (то есть религия устами анонимных авторов библии) в послания, обращенные как к единоверцам, так и к иноверцам, оказывая в полном смысле этого слова психологическое давление на эмоции, надежды и страх народных масс. То же самое делают авторы евангелий. Христианству вторит и ислам: «*Всякий, кто верит в Аллаха и в судный день и совершает хорошие поступки, получит награду от Аллаха*»; «*...Правовверные окажутся посреди садов и фонтанов... там у них будет вдоволь плодов и всего, что они только пожелают*»²¹.

Бесконечное повторение идеи потустороннего существования и неизбежного вознаграждения или возмездия за земную жизнь характерно почти для всех религий. С помощью бесконечного повторения — приема, широко практикуемого, в частности, современной буржуазной пропагандой и торговой рекламой, священнослужители средневековья достигали желаемого результата, убеждая верующих в реальности потустороннего мира и в конечном торжестве тех, кто жил согласно предписанным религией законам. Пропагандисты религий отдавали себе отчет в том, что простое повторение идей, концепций и лозунгов может в конечном итоге надоесть слушателям или читателям и не произвести желаемого эффекта. Поэтому религиозные догмы и положения повторялись при различных обстоятельствах в перефразированном виде с выделением основной мысли в различных словосочетаниях. Небезынтересно напомнить, что одно из первых упоминаний эффективности метода повторения встречается еще у Ашоки (273—232 гг.), вошедшего в историю в качестве активнейшего пропагандиста буддизма. Он писал: «*Отдельные фразы повторялись вновь и вновь... в надежде, что народ будет жить согласно этим принципам*»²². Религии, возникшие позднее, тоже нашли широкое применение этому приему — в молитвах, службах и проповедях. Между прочим, буддизм положил начало использованию и другого, хорошо известного впоследствии метода убеждения — «борьбы с чучелом». Бонзы, составители буддийских диалогов, стремясь представить Будду неизменным победителем в спорах с идейными противниками, «создавали чучело (искусственную проблему. — Э. И.), разгромить которое не составляло труда»²³. У буддийских монахов средневековья могут научиться некоторым методам психологической обработки масс даже искушенные в вопросах психологической войны буржуазные специалисты. Любопытен такой факт из истории XV века. Один вьетнамский монах, приближенный императора, приказал выписать жиром на зеленых листьях деревьев имя своего правителя. Муравьи, привлеченные запахом жира, прогрызли листья по следам написанных букв. Высохшие листья были затем сброшены в реки, которые донесли эти своеобразные листовки в самые отдаленные уголки страны, и слухи о правителе, получившем «благословение свыше» на власть, разнеслись по всей стране.

Столь же красноречиво, как они славили свою религию, превозносили служители религиозных культов мнимые достоинства правящего класса, предостерегая народ от

²⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 419.

²¹ М. М. Али. The Religion of Islam. Lahore. 1950, pp. 265, 300.

²² А. Сомагасами. Op. cit., p. 274.

²³ Ibid.

неподчинения властям. Апостол Павел в своих «Посланиях» наставлял, а православные попы на Руси повторяли: «Несть власти аще не от бога. Сущие власти от бога поставлены суть. Всяко душа властям да повинуется». Незыблемость верховной власти предусматривает и ислам: «Даже если черный раб поставлен править тобой, слушайся его и подчиняйся ему»²⁴. Подвергая критике религиозные догматы, например, христианства, следует помнить предупреждение Ф. Энгельса о том, что «с религией, которая подчинила себе римскую мировую империю и в течение 1 800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы разделаться с ней, необходимо прежде суметь объяснить ее происхождение и ее развитие, исходя из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства... Ведь здесь надо решить вопрос, как это случилось, что народные массы Римской империи предпочли всем другим религиям эту бессмыслицу, проповедуемую к тому же рабами и угнетенными, так что, наконец, честолюбивый Константин увидел в принятии этой бессмысленной религии лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира»²⁵.

Император Константин (306—337 гг.) был первым, но далеко не последним монархом, оценившим возможности христианской религии в оказании психологического воздействия на массы в интересах светской власти. В условиях экономического, политического, интеллектуального и морального разложения Римской империи в IV в. Константин не мог не увидеть твердой поддержки христианства широкими слоями населения, чьи симпатии были необходимы ему для сохранения и укрепления императорской власти. В христианской религии политически дальновидный Константин своевременно распознал эффективный канал пропаганды идеи смирения перед высшей властью и существенное дополнение к тем мерам физического принуждения, которыми располагали императоры. Церковь могла утверждать, что «господь хочет этого», и это утверждение не поддавалось опровержению тем более, что оно исходило от лиц, претендующих на роль представителей этого высшего авторитета на земле. Христианский историк Евсевий Памфил Кесарийский (263—340 гг.), сыгравший немалую роль в политических событиях при Константине, предупреждал сомневавшихся в авторитете христианской религии: «Если кто-либо из вас не подчинится тому, что Иисус приказал нашими устами, то пусть он знает, что совершает великий грех и подвергает себя страшной опасности»²⁶. Признание Константином христианства в качестве государственной религии было объявлено божьей волей, а сам Константин назван помазанником всевышнего. Евсевий в «Житии императора Константина» не жалел красок для восхваления личности первого христианского монарха: «Господь всевышний, правитель вселенной по своей собственной воле посадил Константина, сына столь славного родителя, государем и сувереном; так что, если другие и были возвышены до такого положения по желанию своих соотечественников, то он единственный в своем роде как человек, честью возвышения которого не может похвастаться ни один смертный»²⁷. Свидетельством того, что, перейдя на сторону христианства, Константин был движим не столько религиозными чувствами, сколько стремлением найти поддержку императорской власти у широкого общественного мнения, может служить и такой факт: чтобы не потерять ни приверженцев старой римской религии, ни своих новых сторонников, он повелел чеканить монеты с изображением христианского символа на одной стороне и бога Аполлона — на другой. Христианство стало государственной религией Римской империи, а благодарная Константину церковь причислила его к апостольскому лику, посмертно наградив титулами «великого» и «святого».

То был далеко не единичный случай, когда церковь, будь то христианская, магометанская или буддийская, превозносила монархов, которым была чем-то обязана. Григорий Турский (540—594 гг.) называл истинным героем франкского короля Хлодвигу, бывшего язычника, ставшего воинствующим католиком. Католическая церковь пела дифирамбы не только Хлодвигу, но и всему государству салических франков, чье

²⁴ M. Iqbal. Islam as an Ethical and Political Ideal. S. I. S. a., p. 91.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 307.

²⁶ P. Nichols. The Politics of Vatican. L. 1968, pp. 29—30.

²⁷ Ibid., p. 28. См. также: А. П. Каждан. Судьбы христианства при Константине. «Вопросы истории», 1965, № 5.

обращение в христианство ставилось в пример тем, кто еще «не осознал» неизбежности такого шага²⁸. В I прологе к «Салической Правде» попы либо их сторонники с нескрываемым энтузиазмом и пылом вещали: «Народ франков славный, творцом богом созданный, сильный в оружии, непоколебимый в мирном договоре, мудрый в совете, благородный телом, неповрежденный в чистоте, превосходный по осанке, смелый, быстрый и неумолимый, обращенный в католическую веру, свободный от ереси. Когда еще держался варварства, по внушению божию, искал ключ к знанию... Слава Христу, возлюбившему франков! Да хранит их царство и да наполнит их правителей светом своей благодати! Да покровительствует войску, да поддержит их веру! Радость мира и блаженство! Да охранит господь господствующих Иисус Христос благочестие! Ибо это есть храброе и сильное племя, которое оружием свергло с себя тягчайшее иго римлян и, познав святость крещения, щедро украсило золотом и драгоценными камнями тела святых мучеников, которых римляне сожгли огнем, убили или изувечили железом или бросили на растерзание диким зверям»²⁹.

Папа Григорий I (590—604 гг.) называл жестокую и коварную франкскую королеву Брунгилду, опиравшуюся в своей борьбе со знатью на церковь, надеждою истинной религии. Он сердечно поздравлял с восшествием в 602 г. на византийский престол императора Фоку, убившего своего предшественника Маврикия и всю его семью. Коварный император заслужил признание папы за то, что провозгласил его главой патриархов. В благодарность за оказанную католической церкви помощь или в надежде получить ее папы короновали европейских монархов, присваивая им титулы «августов», «цезарей», «помазанников божьих», «наихристианнейших королей», «защитников церкви» и т. п. В то же время монархи, выступавшие противниками христианской религии, проклинались и предавались анафеме. Достаточно вспомнить об отношении католической церкви к императору-язычнику Юлиану, безуспешно пытавшемуся остановить победное шествие христианства. Церковная пропаганда сделала все, что только было в ее силах, чтобы стереть его имя в истории, а католическая церковь прокляла его, прозвав его отступником, поставив в один ряд с Навуходоносором и Иродом и объявив развратником и кровожадным чудовищем³⁰.

Порядок, при котором монархи обращались к церкви за поддержкой в предпринимавшихся ими политических и военных акциях, становится постепенно обычаем. А с VI в. католическая церковь сама уже получает возможность выбирать политических союзников из числа европейских монархов и использовать их для укрепления своей власти над христианским миром. Могущество церкви растет с ее богатством, особенно после образования Византийской империи и усиления влияния папства на светскую власть в расколотой на мелкие государства Западной Европе. Золотой век для галльской церкви наступает с обращением франков в христианство. Отныне «короли соперничали между собой в том, кто из них сделает больше дарений в пользу церкви — земель, деньгами, драгоценностями, церковной утварью и т. п.»³¹. Предоставление светской властью всевозможных привилегий церкви в отношении налогов и др., неподсудность церкви светским судам стали обычным явлением в средневековых государствах и способствовали еще большему росту богатства и могущества попов и их влиянию на массы. «...Земельные владения церкви, нахвачанные посредством дарений, вымогательств, обманов, плутней, подлогов и других способов уголовного характера, приняла в течение немногих столетий прямо колоссальные размеры»³². Уже в V в. христианская церковь стала крупнейшим землевладельцем. «Однако благочестивым попам всего этого было еще мало. Угрожая вечными адскими муками, они буквально выжимали все большие дарения, так что Карл Великий еще в 811 г. в своем Ахенском капитулярии упрекал их за это, а также за то, что они «склоняют людей к клятвopреступлению и лжесвидетельству, для того чтобы умножить свое... богатство»³³. Не брезговала

²⁸ См. подробнее: R. W. Church. The Beginning of the Middle Ages. L. 1905, p. 208.

²⁹ «Салическая Правда». М. 1950, стр. 86—87.

³⁰ Подробнее см.: И. А. Стучевский. Юлиан-Отступник. «Вопросы истории», 1968, № 1.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 499.

³² Там же, стр. 501.

³³ Там же, стр. 500.

церковь ни обманом, ни жульническими трюками, ни подделкой документов. Папа Иоанн VIII пытался приобрести владения монастыря Сен-Дени близ Парижа с помощью документа, подложность которого была ему известна. Для подкрепления своих претензий на чужие земли католическая церковь нередко ссылалась на документ, именованный «Константинов дар», согласно которому император Константин якобы передал папе Сильвестру I (314—335 гг.) власть над Антиохией, Константинополем, Александрией и Иерусалимом, а также всю Италию, включая Рим и западные провинции и города. В XV в. было доказано, что «Константинов дар» является самой бесстыдной фальшивкой³⁴. Приблизительно в середине IX в. церковью были сфабрикованы «Ижеисидоровы декреталии», составленные якобы на основе подлинных папских документов, которые обосновывали претензии Рима на дальние земли и доказывали необходимость установления абсолютной папской власти.

После победы в христианской идеологии течения, призывавшего к примирению с действительностью, о бунтарском духе, который был присущ ранним христианам, говорить уже не приходится. «Точно так же, как луна отражает свет, получаемый ею от солнца, по сравнению с которым она стоит несравненно ниже по размеру и важности, по положению и реальной значимости, королевская власть получает блеск своего величия от власти папы, — заявлял папа Иннокентий III (1198—1216 гг.). — Иисус оставил Петру во власть не только церковь, но и весь мир»³⁵. И христианская церковь, славя имя божье, шла во главе армий, огнем и мечом покорявших новые земли. Большое количество материалов, дневников, писем, хроник, сохранившихся до наших дней от эпохи крестовых походов, позволяет заключить, что религиозная пропаганда того времени выполняла одновременно несколько важных функций. Она вдохновляла крестоносцев на борьбу с сарацинами; обосновывала необходимость завоевания новых земель в экономических интересах самих же участников (о своих корыстных интересах церковь, конечно, умалчивала); восхваляла христианскую религию и вызывала ненависть к религии и образу жизни противника. Папа Урбан II во время выступления на Клермонском соборе в 1095 г. воззвал к необходимости возвращения Иерусалима и всех «святых мест» римской церкви, обещая участникам крестового похода отпущение грехов. Он заявил, что если кто-либо только из преданности, а не в погоне за честью и наживой пойдет в Иерусалим, чтобы освободить церковь божию, то одно лишь путешествие это будет отпущением всех его грехов.

Истинные стремления церкви скрываются за составленными с тонким знанием человеческой психологии пропагандистскими призывами, строящимися в расчете на веру в потусторонний мир, в чистоту намерений церкви и в близкое воздаяние. Любопытным образчиком средневековой пропаганды является призыв одного из пап к крестоносцам: «О вы, мужи франков, живущие за горами! Господь наделил вас многим — вашей счастливой землей, равно как и неколебимой верой и доблестью. К вам обращены наши слова, и с вашей помощью наше послание будет распространяться. Зловещие вести ползут с границ Иерусалима и из города Константинополя. Часто и прежде доходили они до меня. Проклятая раса, живущая в королевстве персов, варварский народ, отвергнувший бога, вторгся на земли христиан на востоке и опустошил их огнем, сталью и разорением. Эти захватчики — турки и арабы... Турки угнали многих христиан-пленников в свою страну, они разрушили повсюду церкви божьи или же использовали их для своих обрядов. Что мне еще сказать вам? Слушайте! Захватчики оскверняют алтари нечистотами, исходящими из их тел, они подвергают обрезанию христиан и льют кровь обрезания на алтари или на купели. Они помещают лошадей своих в этих церквах, которые уже не служат более господу... И сейчас турки мучают христиан, связывая их и пронзая стрелами или же заставляя их преклонять колени и склонять голову, а затем состязаются в мастерстве срубать им голову одним ударом обнаженного меча. Что сказать мне об их насилии над женщинами? Говорить об этом труднее, чем молчать... Собирайтесь в путь к священной гробнице. Отвоюйте эту землю у зловещей расы и оставьте ее себе. Эту землю, изобилующую молоком и медом, — Иерусалим, наиболее плодородную из всех земель, где обитал наш господь. Там он принял смерть за нас, там тело его было предано земле... Не бойтесь мучений, так как в этом

³⁴ Н. В. Ревякина «Константинов дар». «Вопросы истории», 1969, № 9.

³⁵ P. Nichols. Op. cit., p. 63.

именно и заключен венец мученичества. Путь короток, борьба мгновенна, награда вечна. Да, я говорю с вами голосом пророка: вооружайтесь, о сильные! Берите ваше оружие в руки, храбрые сыны, и в путь»³⁶.

Пропаганда религиозной нетерпимости стояла у самых истоков крестовых походов. Католические миссионеры, эти странствующие пропагандисты средневековья, рассылались по многим странам и своими страстными проповедями в защиту христианства способствовали разжиганию религиозной ненависти среди многотысячных толп. История сохранила имена некоторых папских посланников, «прославившихся» той ролью, которую они сыграли в организации крестовых походов. Одним из них был Петр Пустынник (1050—1115 гг.), возглавивший I крестовый поход. Средневековые хронисты намеренно преувеличивали силу противника и жертвы, понесенные крестоносцами в расчете на то, что на таком фоне одержанные крестоносцами военные победы будут выглядеть внушительнее. Организуя крестовые походы, католическая церковь вновь обратилась к испытанному методу фабрикации и использования фальшивых документов, которые были призваны оправдать и обосновать необходимость организации походов с целью спасения христианских владений от язычников. К числу таких фальшивок относится, в частности, письмо, якобы написанное византийским императором Алексеем Комнином фландрскому графу, в котором император просит последнего направить своих рыцарей для защиты Константинополя от турок и печенегов. Вскоре появляются труды церковных историков, способствовавшие еще большему разжиганию религиозного фанатизма среди крестоносцев. Одной из таких работ была история I крестового похода, написанная аббатом Бодри (ок. 1047—1130 гг.) с целью подготовки идеологической базы для организации новых походов. Походы же служили, в свою очередь, эффективным оружием в борьбе католической церкви против всех, кто пытался воспрепятствовать установлению абсолютной власти Рима над другими народами.

Убедившись в пропагандистской эффективности идеи крестовых походов, церковь стала угрожать крестоносцами даже некоторым своим бывшим сторонникам. Так, папа Иннокентий IV (1243—1254 гг.) обещал отпущение грехов всем участникам крестового похода против короля Фридриха II Гогенштауфена, одного из активных деятелей прошлых крестовых походов, и против его преемников Конрада IV и Манфреда, попытавшихся воспротивиться воле Рима. Католической церкви удалось одержать верх в борьбе с Гогенштауфенами, что дало ей основания с еще большей энергией претендовать на безраздельное господство над западноевропейским миром. В длительной борьбе римских пап с императорами Священной Римской империи папство не раз побеждало благодаря лучшей организации своей пропаганды. Но чем сильнее была церковь в какой-то отдельный период и чем глубже была догматическая вера, тем более возрастала ее жестокость и тем хуже оказывалось в конечном итоге положение церкви. Церковь объявила беспощадную борьбу со всеми, кто пытался выступить против нее. Объявленная ею борьба с ересью проводилась под лозунгом чистоты веры. В тех же случаях, когда этот призыв не оказывал должного воздействия и не вызывал энтузиазма у населения и монархов, церковь прибегала к уже испытанным методам угроз всевозможными духовными и телесными карами, всяческими бедствиями и к преданию проклятию. Еретиками объявлялись все, кто пытался критиковать установленные церковью порядки, осмеливался высказывать недовольство распущенностью и продажностью духовенства, сомневался в мудрости и справедливости церковных догм.

Постепенно инквизиция была превращена во всемогущее орудие идеологического контроля над индивидуальными убеждениями. Рим неукоснительно претворял в жизнь завет Августина Блаженного, призывавшего применять к еретикам силу вплоть до физического их уничтожения³⁷. Один из наиболее активных сторонников крайних мер в отношении еретиков, папа Иннокентий III, приказывал своим эмиссарам, направленным во Францию с заданием способствовать искоренению ереси: «Употребляйте против еретиков духовный меч отлучения, а если это не поможет, употребляйте против них железный меч»³⁸. Возможность физической расправы с идейными противниками, являвшаяся на том этапе более эффективным средством борьбы с идеологией, враждебной

³⁶ Н. Е. Lamb. *Crusades*. N. Y. 1930, p. 39.

³⁷ И. Р. Григулевич. Инквизиция перед судом истории. «Вопросы истории», 1968, №№ 10—11.

³⁸ E. Vacandard. *The Inquisition*. N. Y. 1940, p. 44.

церкви, оказала заметное влияние на изменение форм идейно-психологического воздействия религиозной пропаганды на массы. Противников церкви пугала уже не только и не столько неизвестность, ожидавшая их в потустороннем мире, сколько вполне материальная, земное могущество духовников. Полемика с идейным противником была заменена физическим его уничтожением. Дальнейшее совершенствование форм и методов идейно-психологического убеждения масс временно утратило былую гибкость.

Особое место в средневековой религиозной пропаганде занимало целенаправленное использование в интересах церковной супрематии средств архитектуры, изобразительного искусства, музыки и драмы. Ранние христиане не могли достичь сколько-нибудь значительных высот в литературе и искусстве, свидетельством чему служат, в частности, несовершенный литературный стиль Нового завета и грубо выполненные фрески в римских катакомбах. Христианская церковь периода своего становления была бедной и не могла еще позволить себе выступать в роли покровительницы искусств. Это стало возможным лишь с накоплением ею несметных богатств и превращением ее в самостоятельный институт идейно-психологического воздействия. К середине XI в. католическая церковь превратилась уже в крупнейшего работодателя, способного предоставить щедро оплачиваемую работу многим зодчим, скульпторам и художникам. Будучи господствующей идеологией средневековья, религия получила возможность оказывать серьезное влияние на характер создаваемых по заказу церкви произведений искусства, которые были призваны способствовать пропаганде могущества церкви и усилению влияния религии на сознание широких народных масс.

«Никто из тех, кто когда-либо читал проповеди как в невзрачной на вид церкви, так и в красивой, не может сомневаться в том, что, когда дело доходит до соперничества между ними, архитектурно более совершенная церковь обладает всеми исходными преимуществами»³⁹, — убежденно заявлял один из современных пропагандистов католицизма, Роджер Ллойд. Не надо быть особенно глубоким знатоком человеческой психологии, чтобы прийти к столь бесспорному выводу. Во всяком случае, все основные религии мира высказывались по этому поводу вполне определенно, если не на страницах церковных трудов по теории ведения религиозной пропаганды, то на практике. Мало кто знает в наши дни имена многих из упоминавшихся выше авторов средневековых церковных сочинений, пропагандировавших догматы той или иной религии. Но в различных уголках земного шара люди до сих пор не перестают восхищаться совершенством архитектурных линий и красотой соборов Реймского и Шартрского, Парижской Богоматери, Сен-Дени и Блюви в Франции, св. Петра в Риме, Сикстинской капеллы, соборов Пизы и Флоренции, лондонского Вестминстерского аббатства, церквей св. Ивана в Болгарии, Василия Блаженного в Москве, храма св. Софии в Стамбуле, индийских храмов в Каджурахо и Танджоре, мечетей Дамаска, Иерусалима, Каира и Бейрута, буддийских храмов Непала и Камбоджи, китайской пагоды «Красота дракона» и многих других памятников церковной архитектуры. Ни одна из мировых религий не упустила возможности использования в своих интересах силы воздействия искусства на человеческие чувства. На создание архитектурно совершенных церковных зданий, выражавших в художественной, но вполне материальной форме могущество той или иной религии, понаименее отпускались огромные средства, будь то из общественных фондов, как это было в средневековом Вьетнаме, или из награбленных церковью богатств, как это было почти повсеместно в Европе. Достаточно напомнить, что в одной лишь Франции с 1170 г. по 1270 г. было сооружено 80 соборов и более 500 церквей⁴⁰. Во славу папского престола католические священники не брезговали грабежом культурных ценностей. Комплектуя Ватиканскую библиотеку, папские посланники разграбили хранилища рукописей многих европейских монастырей. К 1455 г. библиотека Ватикана насчитывала уже более 5 тыс. рукописей, что дало право римской курии присвоить к своим многочисленным небесным и земным титулам почетное звание общеевропейского или даже мирового культурного центра⁴¹.

В тот период развития цивилизации, когда люди «читали» произведения искусства с большей легкостью, чем литературные произведения, художественное и скульптурное оформление мест общественного поклонения божествам являлось одним из наибо-

³⁹ R. B. Lloyd. Op. cit., p. 126.

⁴⁰ H. Adams. Mont St. Michel and Chartres. L. 1950, p. 92.

⁴¹ Th. M. Lindsey. A History of Reformation. Edinburgh. 1915, p. 49.

лее эффективных методов ведения религиозной пропаганды. Подавляющее большинство верующих воспринимало преподносимые им религиозные идеи гораздо легче и глубже, когда они выражались в графической или скульптурной форме. Замечательные произведения великих мастеров средневековья Джотто, фра Анджелико, Донателло, Никколо Пизано, не говоря уже о Беллини, Рафаэле, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Перуджино, Боттичелли, Андрее Рублеве и Дионисии, умело использовались церковью в целях повышения эффективности религиозной пропаганды и независимо от воли создателей гениальных творений человеческого духа способствовали росту могущества и влияния церкви. Мадонны с младенцами, святые семейства, религиозные притчи и легенды были основной темой творчества многих гениальных мастеров средневековья. Художники и скульпторы средневековья украшали арки и амфитеатры соборов неповторимыми по красоте витражами, покрывали тончайшей кружевной каменной росписью их стены, увенчивали их остроконечными башенками. Папский дворец был расписан художниками итальянского Ренессанса заново. Главам католической церкви нельзя было отказать в дальновидности и глубоком понимании основ пропагандистского искусства. Их скульптурные портреты, созданные крупнейшими мастерами, устанавливались во многих соборах и церквях, сооруженных в средние века с целью пропаганды «святости и неземной чистоты» духовных пастырей. Папа Юлий II (1503—1513 гг.) решился прибегнуть к еще более действенному пропагандистскому трюку, приказав Микеланджело, расписавшему Сикстинскую капеллу, придать изображенному на фреске пророку Моисею черты лица Юлия II. Он хотел тем самым внушить всем верующим мысль о том, что, подобно Моисею, поведему за собой народ, и он укажет католической церкви путь к земле обетованной.

Орган, этот музыкальный инструмент, введенный в католической церкви для сопровождения хора, стал обязательным во многих соборах и крупных церквях. Не обязательно быть верующим человеком, чтобы испытывать благоговение и другие возвышенные чувства при величественных звуках органной музыки, раздающейся под акустически совершенными сводами соборов. Нетрудно поэтому представить себе, какое сильное впечатление производило на верующих пение церковных хоров в сопровождении органа на фоне великолепной художественной росписи стен и потолков и впечатляющих скульптур «святых». Еще в период первоначального христианства церковные символы и обрядность, унаследованные им от греко-римского и восточного обществ, играли роль существенного дополнения к религиозной пропаганде. Богатое убранство церквей и соборов, красочные процессии, торжественные мистерии у алтаря, церковные гимны, блистательные наряды духовников, благовония, изобилие украшений из драгоценных металлов и камней, всевозможные атрибуты церковных служб — распятия, иконы, оклады, мерцающий свет свечей — все это оказывало сильное психологическое воздействие на верующих, с душевным трепетом внимавших священникам и готовых поверить каждому их слову. Еще в то время, когда не существовало современных средств массового общения и не было печатных книг, попам удалось охватить религиозной пропагандой весьма широкие народные массы.

Почти все религии сумели установить психологический контроль над человеком на всем протяжении его жизни, безраздельно властвуя в то же время над его «душой» в придуманном ими же потустороннем мире. Церковные обряды буквально сопровождали христианина от его рождения до смерти: крещение при рождении; конфирмация при достижении возраста, в котором он с точки зрения церкви обретает возможность отличать добро от зла; венчание; последнее причастие; отпевание. Мы не говорим уже о повседневных и регулярных молитвах, посещениях церковных служб, исповедях и пр. Что касается последних, то можно сказать, что, создав институт регулярных исповедей верующих перед духовниками, церкви удалось породить первый в своем роде институт опроса общественного мнения, позволявший духовникам быть в курсе дел в своих общинах. Вряд ли можно считать большой натяжкой убеждение, что, выслушивая исповеди верующих, духовники раньше других и гораздо раньше светской власти имели возможность распознать в жалобах, сомнениях и признаниях причащавшихся первые признаки надвигающихся грозных событий, потрясавших средневековое общество. В этом конкретном случае трудно провести разграничительную линию между опросом общественного мнения и самым неприкрытым шпионажем в интересах правящих классов и в первую очередь в интересах самой церкви.

К началу XI в. католическая церковь стала инспирировать создание религиозных пьес, посвященных жизни и чудесным свершениям святых апостолов. Жития святых были насыщены драматичными и красочными событиями, причем в них особо выделялись моменты, свидетельствовавшие о близости апостолов к чаяниям простого люда, которому они были неизменно «готовы помочь» в беде. Драматизированные жития святых носили назидательно-воспитательный характер и были призваны восхвалять образ жизни, обеспечивавший место в раю. Драматургия средневековья была прямой наследницей церковной литургии и в качестве таковой оставалась в течение продолжительного времени под неослабным надзором и руководством попов. Одним из первых авторов церковных драм явилась немецкая аббатиса Гротсвита (ок. 935—1002 гг.), в основе произведений которой лежали легенды о христианских мучениках. С точки зрения церковной пропаганды и, следует признать, с художественной точки зрения пьесы в стихах Гротсвиты стали существенным шагом вперед по сравнению с прежними представлениями, которые регулярно организовывались священнослужителями в дни религиозных праздников. К концу X — началу XI в. относится также возникновение церковной, или литургической, драмы во Франции.

XIII век ознаменовал собой начало попыток реформационного движения в Европе и связанной с ним борьбы нарождавшегося бюргерства, городских плебеев и поддерживавшего их крестьянства против старого, теологического мировоззрения, ограничившего дальнейшее развитие общества узкими рамками церковных догм. Идеология христианства уже не удовлетворяла революционные элементы общества, так как она все более становилась исключительным достоянием господствующих классов, пользовавшихся ею «просто как средством управления, как уздой для низших классов»⁴². Революционная оппозиция феодализму и феодальной идеологии проходила в различных формах и в различных степенях активности через все средневековье. В эпоху раннего средневековья она выступала чаще в виде мистики, затем в виде открытой ереси, а в позднем средневековье — очень часто в виде вооруженного восстания. Все формы оппозиции феодализму, за исключением разве что мистики, предусматривали широкую пропаганду соответствующих воззрений с целью оказания психологического воздействия на народные массы, чьи симпатии и поддержка были необходимы для сколько-нибудь успешной борьбы со старым мировоззрением. Обращает на себя внимание, однако, та характерная особенность всех тогдашних общественных и политических движений, что они были вынуждены принимать теологическую форму. Ф. Энгельс объясняет это тем, что «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»⁴³. Религиозная окраска борьбы зарождавшегося нового класса против экономического и политического могущества феодальной церкви, против всего старого уклада жизни объяснялась отнюдь «не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека.., но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию»⁴⁴. Вполне естественно в этой связи, что вся идеологическая борьба и пропагандистская деятельность растущего нового класса осуществлялись под религиозной вывеской.

Взгляды первых реформаторов нашли отражение в ряде литературных произведений, многие из которых можно с полным правом отнести к числу пропагандистских. Острыми пропагандистскими произведениями, написанными в форме сатиры на церковь и духовенство, были поэма Филиппа де Грева «Булла Фульминанте», «Апокалипсис, или Откровения аббата Голиаса» и другие. Говоря об антикурiales произведениях того времени, нельзя не упомянуть о трактате Марсилиа Падуанского (ок. 1275—1343 гг.) «Защитник мира», в котором автор предлагал сократить привилегии, предоставляемые римскому папе и католической церкви. В XIV в. в Англии появляются в свет «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера (ок. 1340—1400 гг.), во многих местах обличительные по отношению к церкви, и антиклерикальное произведение Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (написано в 1362 г.), в котором, помимо элементов сатиры на духовенство, можно заметить высказанную в полурелигиозной форме проповедь умеренности крестьянского освободительного движения.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 315.

⁴³ Там же, стр. 314.

⁴⁴ Там же, стр. 294.

Изобретение в середине XV в. книгопечатания и рост потребностей в расширении торговли между странами привели к тому, что духовенство стало постепенно, но неуклонно лишаться своего давнего преимущества — монополии на чтение и письмо, а со временем и на более высокие ступени образования. Антиклерикальные печатные издания становились доступными все большему числу людей, обладавших достаточно высоким уровнем образования. Возрождение и Реформация явились величайшим прогрессивным переворотом из всех, пережитых до того времени человечеством, эпохой, «которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»⁴⁵. Деятельность и взгляды этих замечательных представителей своей эпохи оставили неизгладимый след в истории человечества. Многих из них можно считать по праву выдающимися пропагандистами-практиками хотя бы в силу того, что они «почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе»⁴⁶ за осуществление их идеалов. С появлением на исторической арене в последний период средневековья новых революционных классов — пролетариата и буржуазии — возникают и новые формы идеологии, новые формы и каналы идеологической борьбы, которые в итоге наносят смертельный удар феодальному мировоззрению и кладут конец былому господству католической церкви.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 346.

⁴⁶ Там же, стр. 347.